
Территориальная идентичность: сравнительный анализ Саратовской области и Кабардино-Балкарской Республики

К.С. МОКИН*, Н.А. БАРЫШНАЯ**

***Константин Сергеевич Мокин** – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия, mokin_konstantin@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5670-8118>

****Наталья Александровна Барышная** – доктор социологических наук, кандидат политических наук, профессор, кафедра социологии, этнографии и социометрии, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия, socis64@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2876-5537>

Цитирование: Мокин К.С., Барышная Н.А. (2023) Территориальная идентичность: сравнительный анализ Саратовской области и Кабардино-Балкарской Республики // Мир России. Т. 32. № 1. С. 130–158. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-1-130-158

Аннотация

В статье дается социологический анализ феномена территориальной идентичности, формирующей текущую социально-политическую, социально-культурную и социально-экономическую повестку дня, в сравнительном анализе субъектов Российской Федерации – Кабардино-Балкарской Республики и Саратовской области.

В настоящее время особый интерес вызывают не только особенности формирования общенациональной идентичности, но и факторы, влияющие на кристаллизацию региональной идентичности с учетом исторических и геополитических условий. При сравнительном соотношении уровней идентичностей очерчивается ряд ключевых элементов государственного, регионального и социокультурного (этнокультурного) развития отдельных территорий страны.

На основе анализа, проведенного с использованием комплекса социологических методов, раскрыты пространственные уровни идентичности и степень эмоциональной привязанности населения обследуемых регионов к конкретным локально-территориальным сообществам. Приведенные в статье результаты исследования позволили дать оценку территориальной идентичности, необходимую для понимания процессов, способов, меха-

Статья выполнена в рамках проекта РФФИ «Территориальная идентичность: факторы, механизмы и инструменты формирования (сравнительный анализ субъектов Российской Федерации и Республики Южная Осетия)», грант № 20-511-07004.

Статья поступила в редакцию в июле 2022 г.

низмов и инструментов формирования внутрирегиональной, общенациональной и межгосударственной идентичностей.

В статье выделены особенности маркирования идентичности жителей отдельных территорий в соотношении политического, этносоциального и социально-экономического уровней, позволяющие сделать вывод об иерархии идентичностей территориальных сообществ.

На основе эмпирических данных очерчены ценностно-символические показатели территориальной идентичности, что дало возможность вскрыть ресурсы экономической, социально-политической, этносоциальной мобилизации населения. Представлен комплексный анализ факторов воспроизводства этнокультурной идентичности в условиях социальной трансформации и механизмы ее реинституционализации в новейшей истории России.

Ключевые слова: *территориальная идентичность, социальная структура, социальные границы, иерархия идентичностей, социальная мобилизация, этничность, регион РФ*

Постановка проблемы

После распада СССР проблематика идентичности в новейшем постсоветском обществе приобретает особую значимость. На первоначальных этапах развития постсоветских государств, в начале 1990-х гг., акцент исследований идентичности приходился на вопросы федерализации, роста регионального и этнического самосознания [Тишков 2021; Дробижнева 2002; Дробижнева 2003; Дробижнева 2013; Малахов 2014]. Территориальная идентичность в тот период анализировалась сквозь призму соотношения в системе координат государственности и регионализма, перерастающего как в этнонационализм и связанный с ним сепаратизм, так и в ирредентизм. Позднее она приобрела значение решающего фактора в связи с задачами модернизационного социально-экономического процесса, повышения региональной конкурентоспособности [Дробижнева 2013] и социально-политической мобилизации для решения в рамках текущей политической повестки дня, целей нацистроительства [Барышина 2013].

В настоящее время можно утверждать, что вопрос территориальной идентичности становится актуальным не только в контексте внутренней политики построения государственности, но и представляется важнейшим фактором формирования и обеспечения внешней политики России. Особенную актуальность этот вопрос приобрел в связи с текущими событиями на юго-востоке Украины, санкционным давлением США и европейских стран на Россию, с одной стороны, и с проблематикой социально-экономической, культурной и политической поддержки частично независимых государств (Республики Абхазия и Республики Южная Осетия) – с другой. В них территориальная идентичность является краеугольным камнем формирования как собственной государственности (Республика Абхазия), так и основой политических и социально-экономических ожиданий на включение в состав России (ирредентизм) (Республика Южная Осетия) [Дзугаев, Мокин 2021].

В данном контексте интерес вызывают не только особенности формирования общенациональной российской идентичности [Тишков, Степанов 2018],

но и отдельные факторы, влияющие на кристаллизацию региональной идентичности, с учетом исторических и геополитических условий.

Важно отметить, что общегосударственная и территориальная идентичность – не взаимоисключающие феномены [Герасименко, Родоман 2017]. Вместе с актуализацией общероссийского уровня идентичности в последнее десятилетие происходят поиск отличительных региональных аскриптивных признаков, наращивание конкурентных региональных преимуществ и консолидация внутрирегиональных сообществ. И это повсеместный процесс, имеющий особые стратегии формирования и конвертации, как в политике, так и в экономике.

Еще одной важной особенностью является то, что на современном этапе развития России усиление региональной идентичности не несет в себе деструктивного начала, а, наоборот, обеспечивает формирование единой гражданской нации по формуле «единство в многообразии» [Тишков 2021].

Однако при соотношении значимости уровней идентичности выявляется ряд принципиальных аспектов государственного, регионального и локального этно- и социокультурного развития, которые формируют особые фреймы [вос]производства идентичности жителей территорий. В частности, для государства уровень доминирования общегосударственной идентичности становится одним из ключевых индикаторов процесса нациестроительства и единого гражданского самосознания. С другой стороны, ярко выраженная и артикулируемая местными элитами региональная (территориальная) идентичность может выступать показателем потенциального регионального (политического, экономического, культурного) сепаратизма.

Подходы к изучению и измерению форм территориальной идентичности

Территориальная идентичность является одним из самых мощных мобилизационных политических, культурных и социально-экономических факторов [Губогло 2003; Тишков, Филиппова 2016]. Апелляция политических акторов к территориальной идентичности в России – это повсеместный процесс, обусловленный природой выборной системы как бывшего Советского Союза, так и современной России (избирательные округа, муниципалитеты, поселения и т. д.) [Зорин 2018]. При этом важно учесть, что взаимосвязь набора уровней идентичностей (региональной/территориальной и общегосударственной) – достаточно неоднозначный показатель, который может обозначать проблемы и в самом государстве. Для регионов вопросы территориальной идентичности – это вопросы конкурентоспособности как в экономическом, социальном, так и во внутrigосударственном, политическом, плане. Осознание своих конкурентных преимуществ, местный патриотизм, наличие региональной идеи развития – очень значимый ресурс, который может обеспечить положительную динамику и эффективный рост продуктивности регионального развития. С другой стороны, факт появления новых региональных центров влияния, сопоставимых с уровнем влияния федерального центра, может снизить легитимность и значимость принимаемых федеральным центром решений, ослабить общегосударственную поддержку [Игошева 2020].

Современная отечественная и западная научная литература отмечает существенный дрейф доминирования от наднациональных и национальных идентичностей в сторону региональных идентичностей. Примером может служить Каталония, Донбасс, Венесуэла, а также ситуация в Великобритании (Шотландии) в связи с ее выходом из состава Евросоюза [Лункин, Осколков 2020]. В западноевропейской научной литературе вопросы территориальной идентичности рассматриваются, как правило, через призму политического и экономического противостояния «центр – периферия» [Rokkan, Urwin 1982] либо посредством акцентирования на росте социальной изоляции территорий, их инклюзии в тело государства и появлении «третьего» сектора как катализатора развития территориальной идентичности [Hudson 2001]. Отдельным аспектом выделяются межстрановые исследования идентичностей, в которых территориальная идентичность анализируется через призму политической географии [Duncan et al. 2008]. Во всех рассматриваемых случаях общим является стремление к возврату и культивированию «собственных» национальных (местных) культур, к суверенитету в принятии политических, социально-экономических решений в рамках локальных территорий.

Опыт сравнительного социологического и исторического анализа позволяет вскрыть пространственные уровни идентичности [Михайлов, Рунге 2019]. В частности, это степени эмоциональной привязанности к конкретным локально-территориальным сообществам, например проявлениям привязки индивидуума к малой родине (кварталу, микрорайону, городу); на субнациональном уровне – отождествление себя с регионом, областью; на национальном уровне – к стране. Однако, несмотря на свою концептуальную значимость, данный подход фиксирует лишь статическую картину, не отражающую динамики трансформации территориальной идентичности под влиянием современных геополитических и межрегиональных процессов.

С точки зрения авторов, территориальная идентичность – это комплекс социальных связей и артикулируемых в их контексте взаимоотношений, включающих в себя смысловое (когнитивное) наполнение повседневных социальных, экономических, культурных и политических практик, предполагающих:

а) уникальность по сравнению с подобными практиками на других территориях;

б) локальность привязки к сообществу, проживающему на конкретной территории;

в) глубинность и разделяемость общих ценностей, идеалов и интересов жителями локального сообщества;

г) понятность (транспарентность) этих ценностей и интересов как для самих членов территориального сообщества, так и для «внешних» акторов, в отношении которых формируется дихотомия отношений «свой – чужой».

Так, в частности, в рамках исследования выделяются не только степень привязанности к территории, но и готовность [части] населения к смене идентификационной матрицы под влиянием глобального процесса миграционных перемещений, смены мировоззрений, убеждений, которые формируют и фиксируют идентичность человека и его связь с той или иной территорией. В этом контексте всё более значимыми становятся вопросы: кто такой «свой»? по каким критериям выстраиваются территориально-общинные связи вне пределов области, региона, республики – всё то, что создает этнотерриториальные анклав, кварталы, моноэтнические поселения?

На наш взгляд, анализ процесса трансформации этнической (этнотерриториальной) и гражданской (национальной, общегосударственной) идентичности, ее маркеров позволяет раскрыть основные тренды формирования территориальной идентичности, факторы и механизмы ее воспроизводства, формы воздействия на ее содержание.

Методология исследования

В рамках реализации исследовательского проекта использовался сравнительный анализ процессов формирования и [ре]презентации территориальной идентичности в субъектах России – в Саратовской области и Кабардино-Балкарской Республике. В качестве научной основы для проведения анализа была выбрана методологическая триангуляция, сочетающая в себе результаты массового опроса и материалы фокус-групп среди разных возрастных когорт. Массовый опрос производился по квотной, репрезентативной выборке по возрасту, полу и территории проживания. В Саратовской области выборка составила 600 респондентов; в Кабардино-Балкарской Республике – 300 респондентов. Расчетная погрешность – 3%. Фокус-группы (ФГ) были распределены по возрастным категориям. В каждом регионе проводилось по две ФГ: первая – с молодежью, с теми, кто родился уже в современной России (18–30 лет); вторая – с теми, кто застал травмирующие последствия распада СССР (35–55 лет) и имеет специфический социальный опыт выживания в условиях распада страны, опыт активного воспроизводства территориальной идентичности как особого социального, культурного и экономического ресурса в современных условиях. В каждой из ФГ принимало участие по 13 чел., представляющих разные этнические сообщества, различные уровни достатка, образования и социального статуса.

Следует отметить, что территориальная идентичность является неотъемлемой частью индивидуальной идентичности. Принадлежность индивидов к географическому пространству выступает «своего рода интегратором и фактором общественной солидарности конгломерата групповых принадлежностей (гражданской, политической, этнической, религиозной, профессиональной и т. д.)» [Михайлов, Рунге 2019]. Мы исходили из допущения, что дрейф идентичности жителей рассматриваемых территорий под влиянием факторов от макро- и мезо- до микроуровней непрерывно влияет на реальные повседневные практики взаимодействия, выстраивание экономических, политических и социокультурных отношений как внутри самих территорий, так и на геополитическом уровне («зеркальный эффект»).

При разработке методологии исследования были учтены следующие факторы, влияющие на формирование, трансформацию и воспроизводство идентификационной матрицы территориальной идентичности:

1. Текущая и потенциально будущая социально-политическая конъюнктура в условиях смены действующих и будущих потенциальных векторов развития и взаимодействия, когда происходит переоценка диспозиций федерального центра и регионов.

2. Параметры, масштабы социально-экономического и этнокультурного неравенства, региональных диспропорций, воспринимаемые элитами и транслируемые населению субъектов Российской Федерации.

3. Латентный конфликт между доминирующей культурой этнического большинства и культурой этнического меньшинства и, соответственно, связанные с ними вопросы к формам лингвистического, правового, экономического и иного доминирования, то есть когда происходит актуализация исторического прошлого и этнических/религиозных форм социальной солидарности как у этнокультурных сообществ меньшинств, так и у групп большинства. Последнее касается как проблемы социально-политической и культурной самоидентификации («здесь и сейчас»), так и ожиданий будущего («для меня и моих детей»), – и для меньшинства, и для большинства. По сути, мы фиксируем непрерывный процесс этнокультурного замещения и/или видоизменения социально-культурной структуры населения регионов, дрейфа ценностных характеристик, более высокую гибридность (само)идентификации.

4. Помимо вышперечисленного, необходимо учитывать историческую инерцию предписанной социально-культурной идентификационной матрицы для каждой территории, сформировавшейся в советский период, включая институционализацию этничности (через паспорта СССР, учебники, использование публичной терминологии). Эта инерция до настоящего времени оказывает существенное влияние на процессы этнокультурных отношений, построение этнонациональной иерархии, как правило, на основе переписи населения («кого больше – тот и главный»). В соответствии с этим действуют механизмы формирования региональными элитами политики идентичности регионов с уже существующими средствами трансляции идей (СМИ, ТВ, социальные сети и т. д.) в этнонациональной парадигме.

Результаты эмпирических исследований

Одним из ключевых аспектов исследования стала оценка степени соотнесения респондентов массового опроса к своей стране и региону. Кем они в первую очередь себя ощущают, осознают, чувствуют? Какие формы самопрезентации наиболее распространены в местных территориальных сообществах? Принципиальность этих вопросов для целей анализа заключается не столько в оценке проводимой государством национально-культурной и государственной политики с заранее публично заявленными целями (нормами) лояльности¹, сколько в реальной самооценке респондентами своей территориальной идентичности.

Как видно из приведенных сравнительных данных в отношении ярко выраженной общегражданской идентичности («Мы – жители Российской Федерации»), в Кабардино-Балкарской Республике (КБР) этот уровень составляет 48% от числа опрошенных респондентов, а в Саратовской области (СО) – 56% (таблица 1). С учетом групп респондентов, где этот взгляд артикулируется не так сильно («встречается»), совокупное восприятие составляет 94% в КБР и 91% в СО. Важно отметить, что КБР и СО имеют различный конституционный статус в составе России. СО – это территориально-административная единица, имеющая своим основным региональным документом Устав области, а КБР, являющаяся национально-территориальной единицей, – Конституцию. При этом в соответствии

¹ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями) (2012) // <https://base.garant.ru/70284810/>, дата обращения 10.10.2022.

с Конституцией РФ республика в составе РФ имеет статус «государства» со всеми вытекающими юридическими и социально-экономическими последствиями².

С точки зрения социально-психологического восприятия жителями регионов степени солидаризации с РФ в целом можно отметить, что для жителей Саратовской области связь со страной играет большую роль, чем для жителей КБР. Это в первую очередь связано не столько с конституционным статусом, сколько со сложившимися за последние столетия практиками взаимоотношений между «центром» и регионами. Жители СО, в подавляющем большинстве, не мыслят себя вне существующих общегосударственных фреймов, которые в основном формируются и транслируются общероссийскими и региональными СМИ, органами власти, местными печатными изданиями. Более того, они обладают повышенным уровнем государственного и территориального патернализма, стремлением к нивелированию социально-экономических и отчасти общекультурных различий.

Таблица 1. Варианты гражданского самосознания среди жителей Саратовской области и Кабардино-Балкарской Республики, %

	Широко распространено		Встречается		Отсутствует		Затруднились с ответом	
	КБР**	СО**	КБР	СО	КБР	СО	КБР	СО
Мы – граждане РФ	48	56	46	35	3	3	3	6
Мы – население региона*	68	46	28	41	3	6	1	7
Мы – население и региона*, и РФ	48	56	46	35	3	3	3	6

*Термин «регион» используется здесь как обобщающая аналитическая категория. В анкетах формулировка вопроса – «Мы – население Саратовской области», «Мы – население Кабардино-Балкарской Республики».

**Здесь и далее по тексту обозначения «СО» – Саратовская область, «КБР» – Кабардино-Балкарская Республика.

Жителями/гражданами России воспринимают себя на 8% меньше жителей КБР по сравнению с респондентами, проживающими на территории СО, что, с одной стороны, связано с более высоким уровнем региональной территориальной идентичности, а с другой – с тем, что степень лояльности кровнородственным связям, которые напрямую соотносятся с конкретной территорией, является в системе ценностей доминирующей. Однако при этом следует отметить, что в КБР в целом (при объединении значений «широко распространено» и «встречается») степень соотношения себя с Россией более высока (хоть и незначительно), чем в СО. На наш взгляд, это определяется системой выстроенных геополитических и социально-экономических отношений «центр – периферия», когда территории, находящиеся в отношениях подчинения и социально-экономической зависимости, должны демонстрировать определенную степень политической и социально-экономической лояльности.

² Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года)]. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ (2020) // Российская газета. 4 июля 2020. Часть 1, ст. 5, п. 2 // <https://rg.ru/documents/2020/07/04/konstituciya-site-dok.html>, дата обращения 10.10.2022.

«Мне кажется, жителей КБР отличает именно уникальная идентификационная структура, так как мы являемся регионом из всех регионов Северного Кавказа, где уровни патриотичности и приверженности к Российской Федерации на самом деле наиболее высокие. Наш уровень патриотичности выше даже, чем у Центральной России, если говорить об этом. И здесь уникальность региона в том, что эти все формы идентичности чуть-чуть уступают религиозной и национальной. Они тоже на хорошем уровне, и некое равновесие идентичности по разным сферам. Так как, например, если мы уйдем [посмотрим – прим. авторов] в Северный Кавказ, там роль религиозной и национальной идентичности уже выше. Если мы уходим в Россию, там тоже роль более светской идентичности выше. А мы являемся неким таким регионом, где эти формы идентичности наиболее равномерно распределены» (ж., 46 л., КБР).

Показателем латентной попытки защитить свою локальную территориальную идентификацию может выступить распределение ответов о восприятии себя как жителя конкретного региона. 67% жителей КБР однозначно позиционируют себя как жители региона, в то же время лишь 46% жителей СО соотносят себя с конкретной территорией. Столь значительная разница в ответах может быть интерпретирована высокой историко-эмоциональной привязкой жителей КБР к своей земле, значимым уровнем культивирования/воспроизводства региональных социально-культурных ценностей, осознанием себя как уникального территориального сообщества. Важно отметить, что жители КБР, отметившие данный вариант ответа, – в основном мужчины в возрасте 45 лет и старше.

В то же время жители СО в силу ряда социально-политических и экономических причин (низкого уровня доверия к местным и региональным властям, низкого уровня доходов населения, стигматизации образа региона в федеральных и региональных СМИ, Интернете) практически стремятся дистанцироваться от навязываемой им региональной идентичности.

«У меня никаких чувств к Саратовской области нет. То есть я могу спокойно уехать – и ничего. <...> Не скучать по чему-либо» (м., 26 л., СО).

«Я не считаю, что в Саратовской области есть какое-то своеобразие. То есть отличие от той же Самарской области или какой-то другой» (м., 22 г., СО).

Микшированный вариант оценки гражданского самосознания «мы – население региона и РФ» показывает более высокий уровень гибридации идентичности среди жителей СО (56%). Это объясняется более высоким уровнем взаимодействия с территориями, входящими в Центральную часть России, с Москвой и Санкт-Петербургом. Интенсивность межрегиональной миграции среди жителей СО достаточно высока³, при этом значительная часть населения региона работает вахтовым методом на Севере, а также в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, что подразумевает значительный уровень межличностных контактов

³ Миграция населения (Миграция населения Саратовской области) // Территориальный орган государственной статистики по Саратовской области (Саратовстат) // <https://srtv.gks.ru/dem>, дата обращения 10.10.2022.

с представителями других регионов, коррекцию исходных собственных ценностно-мотивационных установок и последующее воспроизводство вновь приобретенных/привнесенных социально-культурных ценностей, что влечет за собой видоизменение идентификационной матрицы не только самого индивида, но и его близкого окружения (семьи, друзей и т. д.). По данным исследования, это в основном мужчины 18–45 лет.

Жители КБР (48%) более сдержанны в своих оценках. Идею смешанной идентификации поддерживает в основном молодое поколение 18–35 лет, обладающее более высоким миграционным потенциалом/опытом, имеющее высшее образование и относительно часто уезжающее за пределы республики, не только в центральную часть России (Москву, Санкт-Петербург), но и за рубеж.

Гражданское самосознание – неотъемлемый атрибут идентификационной матрицы, включающее в себя широкий спектр самоидентификаций (возрастных, гендерных, территориальных, этнокультурных, имущественных, политических и т. д.), при этом территориальная идентичность является одним из наиболее значимых элементов гражданского самосознания [Дробижева и др. 2021]. Таким образом, рассматривая структуру гражданского самосознания в сравнительной перспективе, можно отметить, что гражданско-территориальная идентичность более ярко выражена у жителей КБР, в то время как у жителей СО доминирующей является надтерриториальная (общероссийская) идентичность.

Территориальная идентичность как инструмент социально-экономических притязаний на ресурсы территории

Процесс формирования идентичности связан с активизацией представлений об общности, которые базируются на исторической памяти, на осознании и на этом основании – на особых требованиях на место «первичного» освоения территории, ее ресурсов в процессе социализации. При этом в процессе интенсификации идентичности эти представления доводятся до осознания отдельных индивидуумов и всего локального сообщества. Репрезентация осуществляется доведением существующего образа территории как до жителей региона, так и его внешних по отношению к региону акторов (территориальных, экономических, культурных, социальных и т. д.) и является одним из факторов, превращающих функциональную территориальную группу в территориальное сообщество [Андерсон 2016]. Таким образом, «членение обществом окружающего пространства, связанное с формированием образов отдельных его частей, оказывается одной из основ формирования соответствующих территориальных сообществ. При этом сами участки пространства увязываются в определенную систему, соответствующую системе социальных отношений: а) разные участки пространства “наделены” различной ценностью (в первую очередь экономической – прим. авторов), поскольку репрезентируют неравноценные социальные и экономические сущности; б) разные участки пространства формируют иерархии – одни оказываются (воспринимаются) зависимыми от других (по принципу «центр – периферия»)» [Замятина 2012, с. 154–155].

В этом контексте территориальная идентичность выступает не только политическим, экономическим, социально-культурным мобилизационным фактором, но и формирует систему особых притязаний на те или иные ресурсы территории. Так, на вопрос о том, кто должен распоряжаться ресурсами территории, 31% жителей СО заявили, что это исключительное право жителей региона, 21% жителей КБР также уверены, что распоряжаться ресурсами республики – это право только жителей своего региона (таблица 2).

Таблица 2. «Землей, природными богатствами региона должны распоряжаться ...», %

	КБР	СО
Только Кабардино-Балкарская Республика / Саратовская область	21	31
Только Российская Федерация	1	3
Ими должны распоряжаться и регион, и Российская Федерация	32	34
Зависит от обстоятельств и типа ресурсов	37	26
Затрудняюсь ответить	9	6

При этом идея исключительного права на распоряжение ресурсами территории КБР, как показал опрос, касается в первую очередь рекреационных зон, отдельных крупных санаториев и пансионатов, а также исключительными становятся право на использование территории Приэльбрусья для развития туристического кластера, создание новых туристических и логистических цепочек. Подобные идеи в основном разделяют молодые люди в возрасте 18–35 лет, имеющие высшее образование и опыт работы в других регионах.

В отношении Саратовской области ситуация несколько другая. В последние десятилетия в регионе наблюдается экономическая стагнация, в основном связанная с тем, что крупнейшие региональные и федеральные экономические игроки, работающие на территории региона, перевели активы своих компаний под юрисдикцию федерального центра. Так, Саратовская область, являясь энергетическим сердцем европейской части РФ благодаря наличию сети ТЭЦ, Саратовской ГЭС, Балаковской АЭС, которая генерирует до 40% электроэнергии, потребляемой жителями и промышленностью в Поволжском и Центральном федеральных округах, сама выделяет электроэнергию жителям по ценам на 15–20% выше, чем жителям Пензенской, Ульяновской и других областей⁴. Балаковская АЭС, Саратовская ГЭС являются филиалами государственных концернов, и вся получаемая прибыль напрямую поступает в Москву, не принося существенных дивидендов региону. Местные сельскохозяйственные концерны (агрохолдинги) также являются налоговыми резидентами Москвы [Саввина 2021].

Соответственно, передачу полного права на управление ресурсами территорий федеральному центру разделяют лишь 1% респондентов КБР и 3% респон-

⁴ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года». Постановление Правительства Саратовской области от 30 июня 2016 г. N 321-П (2016) // <https://base.garant.ru/45102742/>, дата обращения 10.10.2022.

дентов СО. Налицо нежелание жителей регионов отдавать полную власть над ресурсами федеральному центру, и, по сути, в контексте данного вопроса можно расценивать это как одну из форм «экономического сепаратизма»⁵. При этом почти треть опрошенных (32% – КБР, 34% – СО) отметили, что готовы принять как форму совместное пользование и распоряжение ресурсами территорий как со стороны региона, так и со стороны Российской Федерации. Как правило, это представители среднего возраста (35–50 лет), имеющие высшее образование и осуществляющие предпринимательскую деятельность.

Однако, как показал анализ, практически эта же когорта участвующих в исследовании отметила, что это «зависит от обстоятельств и типа ресурсов», что вполне соответствует существующим условиям федерального распределения полномочий и ресурсов в соответствии с Конституцией РФ⁶. В частности, данную точку зрения поддерживают 37% респондентов из КБР и 26% респондентов из СО. В Саратовской области это в основном касается пахотных земель и земель для выпаса скота, водных ресурсов; в КБР, как отмечалось выше, это рекреационный кластер, а также производство аутентичных, уникальных продуктов питания. Затруднилась с ответом в основном молодежь 18–25 лет, не имеющая четкого представления о наличных ресурсах и потенциальных возможностях их использования.

В качестве промежуточного вывода можно зафиксировать, что территориальная идентичность является не только проекцией социально-культурных отношений в дихотомии «свой – чужой», но и инструментом артикуляции исторически сложившихся территориально-экономических требований на исключительное право пользования ресурсами конкретной территории⁷. При этом часто экономическая составляющая становится основным аргументом мобилизации населения локальной территории для отстаивания своих «особых» прав и, как правило, скрывается за социально-культурным, политическим контекстом.

Территориальная идентичность и межэтнические отношения

Говоря о территориальной идентичности как о системообразующем факторе, нужно указать, что рассматриваемые в процессе исследования регионы являются полиэтничными, имеющими разные межкультурные формы и инструменты взаимодействия. Вопросы выстраивания стратегий межэтнических отношений играют важную роль при консолидации и солидаризации населения территорий, формирования особых межличностных и кросс-культурных отношений в системе повседневной артикуляции территориальной идентичности.

В рамках проекта для оценки уровня межэтнического взаимодействия и опосредования социальной дистанции между «своими и не своими» была использована модифицированная шкала Богардуса, позволяющая очертить основные факторы

⁵ Старостина Ю. (2018) Регионы закрывают границы (2018) // РБК. 10 февраля 2018 // <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/02/12/5a7d9cf19a7947787492490c>, дата обращения 10.10.2022.

⁶ Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года)]. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ (2020) // Российская газета. 4 июля 2020. Ст. 71, 72, 73 // <https://rg.ru/documents/2020/07/04/konstituciya-site-dok.html>, дата обращения 10.10.2022.

⁷ Как и в случае с коренными народами Севера на добычу пушнины, китов и морепродуктов.

формирования социальных границ и приемлемости тех или иных этнокультурных различий (таблица 3). Результаты опроса показали, что в публично-артикулируемом социальном пространстве (в диапазоне от «гражданина РФ» до «соседа по дому»), где формируются основные социально одобряемые фреймы взаимодействия, нет значительных различий взглядов между жителями КБР и СО. Данная социальная зона характеризуется, с одной стороны, системой воспроизводства отношений «воображаемого сообщества» [Андерсон 2016], формируемой государственными и региональными социально-политическими и социокультурными индоктринационными практиками, а с другой – потребностью/необходимостью в публичной демонстрации необходимого уровня толерантности.

Таблица 3. «Я готов принять человека другой национальности как ...», %

	Согласен		Не согласен		Затрудняюсь ответить	
	КБР	СО	КБР	СО	КБР	СО
Гражданина России	93	83	2	10	4	7
Жителя региона	93	84	2	10	5	6
Коллегу, партнера по работе	90	78	3	12	7	10
Непосредственного начальника	82	62	4	21	14	17
Соседа по дому	89	77	3	14	8	9
Близкого друга	85	66	3	16	12	18
Супруга Вашей дочери/супругу Вашего сына	54	37	21	42	25	21
Вашего супруга/супругу	52	37	22	42	26	24

Однако как только социальная дистанция начинает уменьшаться (от «готов принять как близкого друга» до «вашего супруга/супругу»), становятся все более очевидными социальные границы и практики дистанцирования. Так, 42% респондентов из числа жителей СО не приемлют возможность вхождения представителя «иной» этнокультурной группы в состав своей семьи. Для большинства из них семья – это нечто сакральное, не поддающееся размыванию, проявлению эффекта метисации. Характерно, что для респондентов из числа жителей КБР этот показатель хоть ниже в два раза, но тем не менее остается весьма значимым. Показательно, что при ответе на группу вопросов, связанных с личной близостью и непосредственным межличностным контактом, почти 25% воздержались от ответа. Столь резкий рост числа затруднившихся с ответом, на наш взгляд, связан с тем, что эти вопросы перешли в группу сензитивных, которые предусматривают необходимость более доверительных отношений между интервьюером и респондентом, что в условиях массового опроса создать практически невозможно.

Тем не менее значимость национальности (этнической самоидентификации) и как социального критерия, и как маркера социальной, повседневной практики в современном российском сообществе, его территориальных ареалов оста-

ся весьма высокой. Так, при анализе роли национальности в выстраивании ряда социальных стратегий было выявлено, что в КБР национальность играет существенную роль при трудоустройстве (49%), доступе к властным ресурсам (62%) (таблица 4). На наш взгляд, столь высокая значимость этнокультурной идентичности имеет ряд причин. Во-первых, КБР – это исторически национально-территориальное образование, где этничность всегда выступала не только маркером различия между кабардинцами, балкарцами, русскими и другими этническими группами, но и служила способом национальной мобилизации (политической, экономической), инструментом выстраивания восходящих социальных траекторий, доступа к ограниченными социальным лифтам. Во-вторых, сложившийся социально-культурный ландшафт региона постоянно подпитывает национально-культурную особость, что проявляется в латентной конкуренции между основными (доминирующими) этногруппами, формирует «расколотый рынок» [Бонанич 1972], где конкуренция за те или иные сегменты рынка занятости имеет четкую этническую окраску, и доступ в эти сегменты часто определяется не уровнем образования или набором профессиональных компетенций, а плотностью и интенсивностью кровнородственных связей. В-третьих, сложившаяся практика формирования структуры политического руководства в национальных республиках со времен СССР была построена на предоставлении титульным группам преференций при занятии высших должностных управленческих и политических постов, но при этом вторым человеком в этой структуре всегда был представитель СССР. В настоящее время федеральный центр продолжает поддерживать данную практику при условии демонстрации политической и экономической лояльности территорий.

Для жителей Саратовской области вопросы учета роли и значимости национальности в доступе к властным ресурсам или при трудоустройстве играют гораздо меньшую роль, за исключением возможности открытия собственного дела (34% – СО, 19% – КБР).

Таблица 4. «Как Вы считаете, влияет ли национальность человека в Вашем регионе на его возможности ...?», %

	Да, влияет		Нет, не влияет		Затрудняюсь ответить	
	КБР	СО	КБР	СО	КБР	СО
Устроиться на самую лучшую работу	49	39	36	47	15	14
Занять высокий пост в органах власти	62	36	27	44	11	20
Открыть свое дело	19	34	68	50	13	16

Важно отметить, что Саратовская область более полиэтнична, чем КБР. По данным переписи 2010 г., в СО проживают представители более 113 национальностей, а в КБР – более 60 национальностей. При этом в целом в Саратовской области доминирующей этнической группой являются русские (более 85%),

проживающие в основном в правобережных районах региона, где их численность достигает 95% от общего числа жителей всех районов⁸. В этих условиях проблематика межэтнических отношений в СО в современных условиях, как правило, уходит на второй план. Исключение составляют отдельные стычки, изначально имеющие бытовую основу, и лишь в дальнейшем этничность и сложившиеся историко-территориальные условия используются как мобилизационный фактор.

Однако, говоря о возможности использования этничности как ресурса при трудоустройстве в СО, 39% респондентов указали, что и этот фактор играет немаловажную роль. При этом нужно отметить, что в основном артикулируется принадлежность к доминирующей этнической группе – русским. Именно это позволяет без каких-либо проблем подняться и по карьерной лестнице, и открыть свое дело, а с учетом доминирующих лингвистических и фенотипических предпочтений избирателей региона – «пройти» в органы местного самоуправления и региональной власти. Оценивая в целом межэтнические отношения в обследуемых регионах, респонденты выразили сходные оценки существующей этносоциальной ситуации (таблица 5).

Таблица 5. «Каковы в Вашем регионе отношения между национальностями?», %

	КБР	СО
Складываются в целом хорошо	41	42
Складываются в целом плохо	6	6
Бывает по-разному	48	41
Затрудняюсь ответить	5	11

Столь схожие оценки в рамках исследования вполне объяснимы. Во-первых, данный вопрос являлся не только сравнительным между восприятием жителями регионов текущей этносоциальной ситуации, но и элементом контроля методологической триангуляции, где в рамках различных условий воспроизводится единый исследовательский инструментарий, а полученные эмпирические данные показывают не только близость статистических оценок, но и единство взглядов респондентов⁹. Во-вторых, полученные данные коррелируют с другими социологическими значениями восприятия текущей межэтнической ситуации на территориях обследования в рамках проекта, что подтверждает достаточную точность полученных результатов и выводов.

Более значимыми в контексте работы являются отношения между местными и приезжими (таблица 6). Разница в оценках определяется в первую очередь статусом приезжих. Если в СО приезжие – это в основном трудовые мигранты и прибывшие из стран Средней Азии, что в контексте уже сложившейся мигрантофобии в центральной части России определяет модели восприятия и взаимных социально-

⁸ Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации Том 4 (Результаты Всероссийской переписи населения 2010 г.) // Государственная служба государственной статистики // https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf, дата обращения 10.10.2022.

⁹ Одна из форм контроля эмпирических данных, полученных в Проекте.

экономических отношений, то в КБР приезжие – это чаще всего российские туристы, приехавшие не зарабатывать, а тратить деньги на отдыхе в Приэльбрусье, в санаториях и курортах, что автоматически предусматривает более высокую лояльность со стороны местного населения к приезжим. Отчасти именно поэтому при оценке межэтнических отношений в СО почти половина респондентов отметили, что отношения складываются «по-разному». Многие жители СО еще помнят волны этно-бытовых конфликтов (г. Пугачёв, г. Ершов и т. д.), где происходили достаточно серьезные волнения (в том числе с человеческими жертвами) между приезжими и местными жителями.

Таблица 6. «Каковы в Вашем регионе отношения между местными жителями и приезжими?», %

	КБР	СО
Складываются в целом хорошо	47	29
Складываются в целом плохо	6	6
Бывает по-разному	36	47
Затрудняюсь ответить	11	18

Приезжие в обыденном сознании местных жителей СО – «видимые чужие», мигранты, фенотипически отличные представители иной этнокультурной группы со своим языком, менталитетом, нормами взаимоотношений. Отчасти поэтому, говоря о взаимоотношении между местными и приезжими, содержательно анализируется взаимодействие между местным населением и инокультурными мигрантами, как правило, выходцами из стран дальнего и ближнего зарубежья. Соответственно, в зависимости от самоидентификации жителей территории, степени их эмоциональной, социальной, экономической сплоченности различны степень и уровень социальной близости, социального единения и критериев восприятия «других» (таблица 7).

Говоря о близости с «людьми, соблюдающими закон», необходимо отметить, что в разных субъектах, где проводилось исследование, трактовка понятия «закон» имеет различные значения. Так, в СО «закон» в понимании респондентов – это формально предписанные государством права и ответственность, закрепленные в юридических документах, исполняемые как должностными лицами, так и основной массой населения, и в целом разделяемые обществом. В отношении жителей КБР ситуация несколько иная. Несмотря на наличие законодательных и нормативно-правовых актов, определяющих систему функционирования государственных и муниципальных учреждений, большинство жителей республики под «законом» понимают «обычное право», оформленное как негласный свод правил. Так, в КБР (Адыгэ хабзэ – для кабардинцев, Тау адет – для балкарцев) – это устный свод правил и обычаев карачаево-балкарского народа, этико-философская доктрина, свод неписаных правил, включающий в себя нормы обычного права и моральные принципы, определяющие поведение каждого отдельного человека и общества в целом [Озова 2021; Золотарева 2016].

Таблица 7. «Встречаясь с разными людьми, одних мы легко понимаем, чувствуем единство, с другими такого единения нет. Определите степень Вашей близости к людям», %

	В значительной степени		В небольшой степени		Не ощущаю	
	КБР	СО	КБР	СО	КБР	СО
Люди, строго соблюдающие закон	42	37	41	42	17	21
Граждане России	31	40	47	42	22	18
Люди того же достатка, что и Вы	23	44	49	47	28	9
Люди Вашей национальности	38	39	44	43	18	18
Земляки	49	56	40	39	11	5
Жители Вашего города, села	44	45	46	44	10	11
Жители Вашего региона*	47	30	38	53	15	17
Люди Вашей веры, вероисповедания	35	33	42	48	23	19
Люди той же профессии, занятия, что и Вы	39	56	49	38	12	6
Люди тех же взглядов на жизнь, что и Вы	77	73	20	23	3	4

* Термин «регион» используется здесь как обобщающая аналитическая категория. В анкетах формулировка вопроса – «Мы – жители Саратовской области», «Мы – жители Кабардино-Балкарской Республики».

«Вот эти моменты ярко выражены. Да! Если мы увидим, что кто-то там не то делает, обязательно порицание будет, обязательно пригрозим, обязательно, скажем: “Так, нельзя!” Потом родителям расскажем» (ж., 45 л., КБР).

«Ну и если не справляются родители, если они работают, всегда есть родственники, бабушка, дедушка. Да! А бабушка, дедушка – они обычно больше прибавляют семейных ценностей» (ж., 56 л., КБР).

«Там еще самое главное, что есть, – это авторитет родителей» (ж., 54 г., КБР).

Таким образом, негласные практики регулирования отношений в КБР играют огромную роль, а с учетом высокой интенсивности межличностных и межсемейных связей они выступают основными регуляторами и ограничителями общественных отношений.

Степень своего единения и чувства принадлежности к России отмечают в целом 78% в КБР, 82% в СО. Однако при детальном рассмотрении лишь 31% респондентов КБР высказались за то, что с «гражданами России» у них есть чувство близкого единения. В основном это русские, лица старше 45 лет и проживающие в регионе более 20 лет. Примечательно, что этническая группа русских по данным переписи 2010 г. является второй по численности в регионе. В СО ярко выраженное согласие с мнением о том, что граждане России им близки по духу, показали 40% респондентов; это также русские в возрасте 20–45 лет, проживающие в правобережных районах области. Можно отметить, что принадлежность человека

к государству продолжает играть значимую роль, формируя определенные паттерны взаимоотношений и взаимодействия, построенные на разделяемых общих (общегосударственных) ценностях и групповой солидарности.

Роль уровня достатка в схеме выстраивания доверия и системы социальной дифференциации (иерархии), построения социальных границ между людьми остается не менее значимым фактором. В настоящее время в рассматриваемых регионах продолжается рост социально-экономических различий, социальной дифференциации между разными группами населения, происходит всё более жесткое разделение между богатыми и бедными.

Формы, механизмы и инструменты консолидации в рамках территориальной идентичности

Одним из ключевых вопросов исследования являются условия консолидации жителей локальной территории, структура их самовосприятия и маркеры, определяющие/предписывающие принадлежность индивида к локальному территориальному сообществу. В частности, необходимо очертить ключевые элементы идентификационной матрицы, которые, с одной стороны, самовоспроизводятся, а с другой – предписываемые внешними социальными группами. В комплексе эти факторы маркируют социальные границы территориальной идентичности не только в регионах, но и определяют/конструируют выстраивание взаимодействий вне территории (в случае анклавов, этнических кварталов и т. д.).

Таблица 8. «На Ваш взгляд, что больше всего объединяет жителей Вашего региона, делает жителей особым региональным сообществом?» (несколько вариантов ответов), %

	КБР	СО
Язык, форма и манера общения	33	51
Культура	41	53
Особые традиции, обычаи, обряды	17	28
Родная земля, территория, природа	26	35
Черты характера	10	18
Религия	18	10
Историческое прошлое	35	65
Общая государственность	36	20
Внешний облик (внешность)	3	9
Ничего не объединяет	7	3

Как видно из приведенных данных (таблица 8), основными для конфигурирования территориальной идентичности являются социально-культурные маркеры

(язык, культура), причастность к конкретной территории, ощущение своего общего исторического прошлого. В частности, для жителей СО основными элементами репрезентации своей территориальной идентичности являются культура (53%) и язык, форма и манера общения (51%); в последнем случае имеются в виду арсенал особых лексических выражений и манера их произношения. Восприятие исторического прошлого играет также очень значимую роль для жителей приволжского региона (65%). В первую очередь это связано с самой историей края и с деятельностью известных людей – П. Столыпина, В. Чапаева, Н. Чернышевского и т. д. Не менее значимой становится привязка к родной земле, природе региона: жители часто синонимически заменяют самоназвание «саратовец» на «волжанин», а жители левобережья используют самоназвание «степняк». При этом фактор конфессионального единения, как показывают результаты исследования, для жителей СО играет вторичную роль, как и психологические факторы (черты характера).

Для жителей КБР историческое прошлое играет хоть и меньшую, но также значимую роль (35%), при этом историческое прошлое очень тесно увязано с ощущениями общей государственности с Россией (36%). В частности, жители КБР очень гордятся тем, что их республика одной из первых на Кавказе стала частью Русского царства во времена Ивана Грозного. В центре г. Нальчик установлен памятник жене Ивана IV, которая способствовала заключению договора о вхождении Кабардино-Балкарии в состав Руси. Однако доминантой в системе иерархии ценностей, определяющих территориальную идентичность, по мнению жителей КБР, являются их уникальная культура (41%) и связанные с этим язык, форма и манера общения (33%). Роль конфессиональных отношений в регионе достаточно значима (18%), однако не стала предметом серьезных разногласий и появления особых дискурсов в силу того, что здесь исторически достаточно спокойно соседствуют христианство и ислам.

Полученные данные наиболее характерно поясняют материалы проведенных в регионах фокус-групп, в рамках которых задавались сходные вопросы как отдельный блок обсуждения. Так, в КБР выделяется:

«Общая культура. Культура взаимопомощи, культура гостеприимства, культура, знаете, некоего безопасного взаимодействия, например, хоть там есть стереотипы, что у нас ущемляют женщин. Я считаю, что это стереотипы. Если вникать в культуру, следовать ей, то там дается место и мужчине, и женщине. И причем, если это всё соблюдать, женщина в абсолютной безопасности. И на мужчину не посягают в плане уважения и так далее. Это тоже некоторое удобство на самом деле, если этому следовать. Мужчина никогда не будет свергнут, грубо говоря, со своего места, а женщина, придерживаясь своего места, тоже будет чувствовать себя комфортно. То есть есть некоторые принципы, по которым есть соблюдение уважения к старшим, к мужчинам, к женщинам, к детям, которые создают чувство безопасности» (ж., 24 г., КБР).

При этом осознание своей территориальной «особости» проявляется и на проекции «свой – чужой» как на уровне повседневности, так и в сфере межгрупповых отношений.

«Думаю, менталитет. То есть человек как представитель своей республики за границей, за границей государства, в принципе, он будет чувствовать, возможно, некоторое напряжение. Возможно, он просто будет как-то на подсознательном уровне отличаться. Эти люди немножко другие, они не сделают так, как привыкли мы, потому что у них так не принято. Или у нас делать принято немножко по-другому, поэтому ты не будешь уверен, как будут поступать люди в определенной ситуации, потому что у них другие правила или другие обычаи, привычки, и, в принципе, их общество, их основные положения формировались иначе, чем у нас» (м., 26 л., КБР).

При этом почти все респонденты отмечают некую интуитивную близость.

«Еще раз дополню. Это внутренняя близость, духовная близость. Это же всегда так. Где бы мы ни находились, мы всегда болеем за свою родину, за свою малую родину, за свое село, чтобы тут было намного лучше. В пример можно привести войну. Никто не спрашивал, в голову не приходило: идти? не идти? Просто был выбор: я или Родина. Внутренняя духовная близость» (ж., 28 л., КБР).

При этом жители КБР позиционируют себя как одни из самых толерантных, готовых к принятию новых культур, традиций, заявляя о своей гибкости в восприятии традиционных ценностей и гостеприимства.

«Я не люблю как-то говорить, что мы какие-то уникальные, но поскольку наша республика многонациональная, то есть мы ко всем очень, вы знаете как <...> не то что лояльны, мы привыкли так. Мы ко всем хорошо относимся, друг к другу. Если бы, например, однонациональная, то есть у нас может быть по-другому как-то... Мы считали, что у них там традиции не такие, обычаи не такие, как у нас, и так далее. Но за счет того, что мы в такой многонациональной республике живем, мы уважаем традиции каждого и в то же время делимся ими, воспринимаем их нормально» (ж., 24 г., КБР).

В отличие от жителей КБР, жители СО из числа участвовавших в фокус-группах, наоборот, часто стараются в целом не связывать себя и свою идентичность с территорией региона.

«Да ну, нету никакой принадлежности. Для меня это как просто слова. Откуда ты сказать – “из Саратовской области, из такого-то города”. Хотя нет! Может быть, если в диалоге начнется обсуждение этой области, этого города, то да, я, возможно, скажу, что, у нас есть вот это, есть это. А у нас есть, а у нас нету этого. А если затронется случайно вопрос экономики, работы, я скажу, что у нас ее нету» (м., 24 г., СО).

Основной подобных подходов представляются достаточно сложные историко-социальные отношения, которые складывались в Саратовской области в последние десятилетия. Недоверие к «иным», проявление разного рода социальных фобий и их социальная институционализация повлияли на механизмы формирования территориальной солидарности.

«У нас слишком сложные люди. Немногие люди принимают жителей Кавказа по критериям того, что внешность не сходится, еще что-то, манеры общения не сходятся, акцент тоже не тот. Я буду говорить откровенно. Ну не примут таких людей, не будут считать местными. Да, с ним можно общаться, и он будет рассказывать про свой край, про свой город. Даже вплоть до того, что коренные жители не знают, а он знает. Но его всё равно не будут считать местным» (ж., 29 л., СО).

В то же время есть альтернативная точка зрения, которой придерживается, к сожалению, меньшинство, и которая позволяет выделить территориальную идентичность не только как вопрос противоречия, но и как интегративный ресурс.

«Местными я называю тех, которые знают все места. Приведу пример. Есть у меня одна одноклассница из Балаково. Она, вроде как, коренная, балаковка, но большинство мест в Балаково она просто не знает. Я ей всё время задаю вопрос: “Ты же местная, ты должна знать!” На что получаю ответы: “Я сижу у себя в микрорайонах и больше никуда не езжу, я живу в Жилгороде [район города – прим. авторов] и всего не знала. Я даже не знала, что это Жилгород называется”. И она мне говорит: “Ты где?” Я говорю: “Дома”. У тебя дом в Жилгороде находится? А как я пойму, что я в Жилгороде? Я говорю, что я дома. И она приезжает и начинает искать улицу, дом. Я ей объясняю: «Детский мир». На что она говорит: “Я на Детском мире, на остановке”. Я говорю: “Ну всё, иди туда, иди прямо. Тут девятиэтажка, большой дом”. Она говорит: “В какой стороне? А где? А что там?” Я же говорю: “Ну ты же местная, ты должна знать, как я тебе буду объяснять”. Вот для меня местные – это те, кто действительно знают свой город. Это вот местные. А не то, что там родился. Ну да, если я родилась на Дальнем Востоке, меня сейчас туда привези – я буду с Google ходить с картами, искать что где» (ж., 29 л., СО).

«Местные – это не значит, что он именно здесь должен или обязан родиться. Местный – это когда выступает временной фактор. То есть, чем дольше человек прожил на определенной территории, тем больше он укореняется, больше знает место. Вот как все оценивают: если местный, значит, он знает место. Да можно и из дома, правда, не выходить, но ты местный, потому что прабабушки, прадедушки здесь родились, в этом же подъезде все жили. Местный, я оцениваю, тот, кто может здесь не родиться, но он здесь прожил большую часть жизни» (м., 34 г., СО).

Следует подчеркнуть, что играет роль и низкая территориальная мобильность, и связанная с ней социальная. Для некоторых опрашиваемых даже област-

ной центр – г. Саратов (не говоря уже о Москве или Санкт-Петербурге, являющихся некой абстракцией) – как Нью-Йорк или Лондон, которые они видят только по ТВ, в фильмах или новостях. Значительная часть местных жителей не выезжают за пределы своего города/поселения, живя по принципу «где родился, там и содился», опираясь в своих социальных, экономических стратегиях на родителей, знакомых, приятелей, которые обеспечивают им относительно комфортную жизнь в небольших поселениях.

Эмоциональное отношение к восприятию уровней территориальной идентичности

Одним из критериев оценки уровня территориальной идентичности выступает уровень эмоциональной связи жителей к факту проживания. Эмоциональная составляющая самоидентификации, осознание себя частью локальной социальной группы становятся мощнейшим мобилизационным фактором, стимулятором воспроизводства и последовательного развития элементов территориальной идентичности.

Так как позитивные маркеры принадлежности к региону в рамках критерия ощущения «чувства гордости, достоинства» являются доминирующими показателями, необходимо отметить следующее. В данном контексте концепт «я – житель этого региона» объединяет комплекс территориально-патриотических диспозиций, основанных на ассоциациях с прошлым региона, с его достижениями и заслугами перед страной в целом, а также в ощущении принадлежности «себя» к этому, желанию, способности и готовности сохранить и преумножить существующий социально-культурный и социально-экономический потенциал территории. Это чувство испытывают более 62% жителей КБР и лишь 42% жителей СО (таблица 9), при этом немногим больше 44% жителей СО не испытывают этого чувства против 17% жителей КБР.

Таблица 9. «Какие чувства вызывает у Вас, что Вы – житель Саратовской области / Кабардино-Балкарской Республики?», %

	Да		Нет		Затрудняюсь ответить	
	КБР	СО	КБР	СО	КБР	СО
Чувство гордости, достоинства	63	42	17	44	20	14
Чувство сопричастности	66	57	18	30	16	13
Чувство отчуждения, безразличия	8	13	77	71	15	16
Чувство обиды, унижения	4	11	77	77	19	12

В частности, информанты из КБР подчеркивают свою высокую степень привязанности к республике.

*«Ну во мне говорит, наверное, гордость, потому что когда изучаешь историю, когда ты находишься на этой территории, ты продолжаешь вкладывать в поколения. Поэтому мне очень комфортно, и я себя не мыслю в другом месте» (ж., 29 л., КБР).
«Для меня это большое счастье – быть частью Кабардино-Балкарской Республики. Один из плюсов – я чувствую сильную поддержку всей родовой системы. Тесные родовые связи – они меня поддерживают. Причем я знаю, что это и в проблемных ситуациях, и в ситуациях успеха за мной стоит вся моя родовая система. Ну и главная гордость для меня – это, конечно, устойчивость моральных устоев именно в республиках Северного Кавказа. Я горжусь, что я часть этой системы, так как, в общем, если брать всю Россию, конечно, этот разлом очень сильный, и в центральных регионах он более сильный, а у нас за счет традиционных ценностей мы еще держимся. Поэтому я горжусь нашей республикой» (ж., 32 г., КБР).*

В противовес этим взглядам жители СО более пессимистично настроены в отношении своей индивидуальной солидарности с регионом.

*«Если считать города или даже улицы брать, то большинство улиц загрязненные, и это не очень приятно. На это неприятно смотреть, не хочется гулять» (ж., 27 л., СО).
«Саратовская область никаких чувств не вызывает» (м., 32 г., СО).*

Однако, как отмечалось, есть и позитивные оценки.

«У меня, наверное, Саратовская область вызывает чувство теплоты. Это все-таки родной край. В плане поменять что-то, <...> да, возможно, прямо нужно что-то улучшить в Саратовской области, что-то изменить. Вполне возможно» (ж., 35 л., СО).

При этом чувство сопричастности испытывают 66% респондентов из КБР и 57% респондентов из СО.

На этом фоне вполне закономерно, что 77% респондентов в каждом из обследуемых регионов не испытают ярко выраженных негативных проявлений «чувства обиды или унижения». Как правило, это связано, с одной стороны, с высоким уровнем существующего территориального патернализма, а с другой – со значительным уровнем оседлости, принятия уже исторически сложившегося уклада и связанной с ним сложившейся системой социального дистанцирования от региональных и местных органов власти, являющихся «естественными» символами региона. По сути, негативные проекции общерегиональной (социально-политической, экономической) идентичности на жителей не являются серьезными факторами, дестабилизирующими лояльность к своей «малой» Родине.

В отношении позитивной эмоциональной оценки связи с Россией – оценки чувства гордости, достоинства – ситуация почти противоположная (таблица 10). Больше 66% респондентов из СО поддерживают этот тезис, в КБР – значительно

меньше (43%). Столь высокий уровень гражданско-территориальной (общероссийской) лояльности в СО может быть объяснен растущим авторитетом страны на мировой арене, а также проводимой военной операцией на юго-востоке Украины, что активно артикулируется практически всеми федеральными и региональными каналами масс-медиа, подпитывая чувство патриотизма. Важную роль играет и ощущение жителями результатов проводимых социальных реформ: предоставление материнского капитала, дополнительные социальные выплаты, рост пенсий, расселение людей из ветхого жилья и т. д.

Таблица 10. «Какие чувства вызывает у Вас то, что Вы – россиянин?», %

	Да		Нет		Затрудняюсь ответить	
	КБР	СО	КБР	СО	КБР	СО
Чувство гордости, достоинства	43	66	30	23	27	11
Чувство сопричастности	60	65	19	24	21	11
Чувство отчуждения, безразличия	10	7	71	78	19	15
Чувство обиды, унижения	10	7	70	79	20	14

В противовес этому в КБР более выражены региональная идентичность и ощущение периферийности своего развития по сравнению с другими территориями России, которое определяется не только пограничным положением республики, но и ее удаленностью от центра страны, слабым развитием авиа- и железнодорожных связей. Так, несмотря на наличие международного аэропорта, мощного железнодорожного узла, г. Нальчик не стал северокавказским транспортным хабом, развитие которого могло бы помочь республике стать более инвестиционно привлекательным. Важным аспектом представляется и значительная финансовая дотационная зависимость Кабардино-Балкарской Республики от федерального центра.

Выводы

Территориальная идентичность – весомый ресурс консолидации локальных сообществ. Если в определенный период развития страны территориальная идентичность выступала сквозь систему соотношения в системе координат государственности и регионализма, перерастающего в этнонационализм и связанный с ним сепаратизм, то в настоящее время она приобрела значение существенного фактора в связи с задачами модернизационного социально-экономического процесса, повышения региональной конкурентоспособности и социально-политической мобилизации.

Важный вывод состоит в том, что территориальная идентичность представляется одним из ключевых элементов общегосударственной идентичности

и не вступает с ней в противоречие. При этом степень лояльности к государственной идентичности в разных регионах различна. Это определяется, с одной стороны, историко-географическими и социально-экономическими аспектами (Саратовская область), а с другой – сохраняющимися традиционными формами экономических, этносоциальных, политических отношений (Кабардино-Балкарская Республика).

Территориальная идентичность является многофакторным, многоуровневым социальным феноменом с ярко выраженной темпоральной характеристикой. При этом территориальная идентичность в рамках данной работы определяется: а) как социальная аналитическая категория и б) как объект повседневной практики жителей региона. Территориальная идентичность в этом случае выступает как специфический ресурс, позволяющий выстраивать индивидуальные и групповые стратегии доступа к социальным лифтам. С другой стороны, она может представлять собой серьезный барьер, формирующий социально-психологическую привязанность, ориентацию на изоляционизм, которые потенциально ограничивают общегосударственные интеграционные процессы.

В данном случае можно говорить о территориальной идентичности как о мощнейшем ресурсе политической и социально-экономической мобилизации населения, формирования требований личности «своей» территории, проявления отдельных элементов культурного и экономического сепаратизма. С другой стороны, «особость» территории всё чаще становится предметом маркетинга территории, ее развития, позволяющим продвигать на внешних рынках уникальные аутентичные товары и услуги, которые формируют надрегиональную (внешнюю, приписываемую) идентичность. Это также подпитывает воспроизводство культурно-символических, лингвистических, социально-экономических границ территории и очерчивает ареал распространения связанной с ней идентичности.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что территориальная идентичность – это вид аскриптивной привязанности, основанной на регулярной интеллектуальной, психологической и эмоциональной практике соотнесения и последующей самоидентификации индивидом себя с определенной территорией, локальным сообществом, регионом, который характеризуется территориальной, историко-культурной, социальной нормативно-правовой и лингвистической особостью.

В процессе анализа нами были выделены не только степень привязанности к территории, но и готовность [части] населения к смене идентификационной матрицы под влиянием глобального процесса миграционных перемещений. Так, несмотря на высокий уровень привязанности к территории, основанный по большей части на активном культивировании традиционных историко-культурных особенностей, жители Кабардино-Балкарской Республики обладают большим миграционным и интеграционным потенциалом по сравнению с жителями Саратовской области.

Оценивая структуру мировоззрений, убеждений, которые формируют и фиксируют идентичность человека и его связь с той или иной территорией, следует отметить, что ключевыми элементами для конфигурирования территориальной идентичности в случаях обоих кейсов выступают социально-культурные маркеры (язык, культура), причастность к конкретной территории, ощущение своего общего исторического прошлого. Так, по мнению жителей Кабардино-Балкарской Республики, доминантой в системе иерархии ценностей, определяющих

территориальную идентичность, является их уникальная культура и связанные с ней язык, форма и манера общения. Жители Саратовской области на первый план выдвигают свое историческое прошлое и только потом – культуру и язык, форму общения, которые ими определяются как набор особых лексических выражений, манера их произношения. При этом кристаллизация территориальной идентичности происходит опосредованно, через доминирующие в сообществе нарративы, формирование дискурсивного поля посредством масс-медиа, социальных сетей, межличностных и межгрупповых контактов.

Оценивая роль территориальной идентичности как инструмента социально-экономических притязаний на ресурсы территории, следует отметить, что она является значимым инструментом артикуляции исторически сложившихся территориально-экономических требований жителей на исключительное право пользования ресурсами конкретной территории. При этом экономическая составляющая часто определяется как основной аргумент мобилизации населения локальной территории для отстаивания своих «особых» прав, которые часто маскируются под политические и/или социально-культурные. Исследование показало нежелание значительного числа жителей обследованных регионов отдавать полную власть над ресурсами федеральному центру, что, по сути, превращается в одну из форм экономического сепаратизма.

В основе мобилизационной функции территориальной идентичности, как правило, лежит сильная эмоциональная привязанность индивидов к родной земле, краю, области, поселению, дому. Эта составляющая самоидентификации, осознание себя частью локальной социальной группы становятся мощнейшим объединяющим фактором, стимулятором воспроизводства и последовательного развития элементов территориальной идентичности. В контексте данного сравнительного исследования концепт «я – житель этого региона» включает в себя комплекс территориально-патриотических диспозиций, основанных на ассоциациях с прошлым региона, его достижениями, заслугами перед страной в целом. Сюда же относится эмоциональное ощущение принадлежности «себя» к этим достижениям, в желании, способности и готовности сохранить и преумножить существующий социально-культурный и социально-экономический потенциал территории, а также при необходимости воспользоваться «своей» идентичностью как социально-культурным, так и экономическим ресурсом (доступе к социальным лифтам, в образовании, бизнесе, политике и т. д.).

Таким образом, одна из ролей территориальной идентичности как феномена заключается в том, что она является составляющей социального капитала жителей регионов, выполняя как мобилизационные (политические, экономические), так и социально-культурные презентационные функции локально-территориального сообщества. При этом территориальная идентичность – это не только некая социальная константа. Она также обладает свойствами межпоколенческой редукции, воспроизводства, видоизменения, инструментами которых по-прежнему остаются семья и система образования, формирующие первичный социальный капитал каждого человека. В современных условиях сюда с уверенностью можно включить и масс-медиа, и социальные сети (Интернет), способствующие как сохранению, воспроизводству, так и модификации территориальной идентичности.

Еще одним фактором модификации территориальной идентичности представляется межрегиональная и международная миграция, которая, с одной сторо-

ны, видоизменяет сложившуюся структуру территориальной идентичности, когда происходит «размывание» анклавов (зачастую за счет появления новых этнокультурных кварталов). С другой стороны, трансформируется и сама культура территории исходя за счет современной интенсивности обменов (маятниковой миграции, социальных сетей). В этом случае основными акторами, влияющими на видоизменение территориальной идентичности, как правило, выступают молодежь и люди трудоспособного возраста, работающие или учащиеся в других регионах.

Список источников

- Андерсон Б. (2016) Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле.
- Барышная Н.А. (2013) Нацестроительство: региональный уровень. Саратов: Наука.
- Бонавич Э. (1972) Теория этнического антагонизма: раскол рынка труда // Американское социологическое обозрение. № 37 (5). С. 547–559.
- Брубейкер Р., Купер Ф. (2002) За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. № 3. С. 61–115. DOI: 10.1353/impr.2002.0025
- Герасименко Т.И., Родоман Б.Б. (2017) Территориальная идентичность как фактор и результат геополитических предпочтений России // Геополитические процессы в современном евразийском пространстве. Международная научная конференция. Баня-Лука: Географко Друштво Републике СРПСКЕ; АРГО. С. 127–140.
- Губогло М.Н. (2003) Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука.
- Джеймс У. (2013) Восприятие реальности // Социология власти. № 1–2. С. 214–257.
- Дзугаев К.Г., Мокин К.С. (2021) Южная Осетия: ирредентизм и идентичность // Вестник Поволжского института управления. № 6 (21). С. 30–37. DOI: 10.22394/1682-2358-2021-6-30-37
- Дробижева Л.М. (ред.) (2002) Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.: Academia.
- Дробижева Л.М. (2003) Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей.
- Дробижева Л.М. (ред.) (2013) Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М.: Российская политическая энциклопедия.
- Дробижева Л.М., Арутюнова Е.М., Евсеева М.А. и др. (2021) Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты. М.: ФНИСЦ РАН.
- Замятина Н.Ю. (2012) Территориальные идентичности и социальные структуры // Общественные науки и современность. № 5. С. 151–163 // https://elibrary.ru/download/elibrary_18095719_56003549.pdf, дата обращения 10.10.2022.
- Зиммель Г. (2008) Экскурс о чужаке // Социологическая теория: история, современность, перспективы. СПб.: Владимир Даль.
- Золотарева И.С. (2016) Духовно-нравственное воспитание в народной педагогике кабардинцев и балкарцев // Инновации в науке. № 2 (51). С. 95–102 // <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennoe-vozpitanie-v-narodnoy-pedagogike-kabardintsev-i-balkartsev/viewer>, дата обращения 10.10.2022.
- Зорин В.Ю. (2018) Национальная политика российского государства в XX – начале XXI века. М.: Юрайт.
- Игошева М.А. (2020) Политический ресурс этнической идентичности в условиях трансформации современного мироустройства // Социодинамика. № 5. С. 26–42. DOI: 10.25136/2409-7144.2020.5.33026
- Лункин Р.Н., Осколков П.В. (ред.) (2020) Европа в поиске новых решений. М.: Институт Европы РАН.

- Малахов В. (2014) Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: НЛЮ.
- Михайлов В., Рунге Й. (2019) Идентификация человека. Территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации // Социологические исследования. № 1. С. 52–62. DOI: 10.31857/S013216250003747-4
- Мокин К.С., Барышная Н.А. (2020) Миграция и межнациональные отношения в оценках региональных экспертов // Власть. Т. 28. № 4. С. 33–41. DOI: 10.31171/vlast.v28i4.7423
- Мукомель В.И. (2021) Миграционная ситуация и мигранты в восприятии россиян // Вестник Российской нации. № 1–2. С. 53–68 // https://elibrary.ru/download/elibrary_46175239_34530770.pdf, дата обращения 10.10.2022.
- Озова Ф.А. (2021) Факторы развития Адыгэ Хабзэ // Северо-Кавказский юридический вестник. № 1. С. 56–70. DOI: 10.22394/2074-7306-2021-1-1-56-70
- Саввина Е.С. (2021) Проблемы социально-экономического развития в Саратовской области // Актуальные проблемы современности: наука и общество. № 4. С. 39–41 // https://elibrary.ru/download/elibrary_48075207_60211312.pdf, дата обращения 10.10.2022.
- Тишков В.А. (2021) Национальная идея России. М.: АСТ.
- Тишков В.А., Степанов В.В. (ред.) (2018) Этническое и религиозное многообразие России. М.: ИЭА РАН.
- Тишков В.А., Филиппова Е.И. (ред.) (2016) Культурная сложность современных наций. М.: Политическая энциклопедия.
- Duncan J., Johnson N., Schein R. (eds.) (2008) A Companion to Political Geography, MA: Blackwell Publishing.
- Giddens A. (1991) Modernity and Self-Identity, Stanford.
- Hudson R. (2001) Western Europe Studies: Geography // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences, pp. 16473–16479. DOI: 10.1016/B0-08-043076-7/03252-6
- Rokkan S., Urwin D. (1982) The Politics of Territorial Identity. Studies in European Regionalism, SAGE Publications.

Territorial Identity: A Comparative Analysis of the Saratov Region and the Republic of Kabardino-Balkaria

K.S. MOKIN*, N.A. BARYSHNAYA**

*Konstantin S. Mokin – DSc in Sociology, Senior Research Fellow, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, mokin_konstantin@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5670-8118>

**Natalia A. Baryshnaya – DSc in Sociology, Professor, Department of Sociology, Ethnography and Sociometry, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation, socis64@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2876-5537>

Citation: Mokin K.S., Baryshnaya N.A. (2023) Territorial Identity: A Comparative Analysis of the Saratov Region and the Republic of Kabardino-Balkaria. *Mir Rossii*, vol. 32, no 1, pp. 130–158 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-1-130-158

This work was supported by RFBR “Territorial identity: factors, mechanisms and instruments of formation (comparative analysis of the constituent entities of the Russian Federation and the Republic of South Ossetia)”, grant № 20-511-07004.

The article was received in July 2022.

Abstract

This paper presents a sociological analysis of the phenomenon of “territorial identity” which is assumed to shape the socio-political, socio-cultural, and socio-economic agenda in Russian regions. It reveals the identities existing at different territorial levels and the degree of the emotional attachment of people living in different regions to specific local and territorial communities. The findings provide grounds for understanding the processes, means, and mechanisms which shape intra-regional, pan-national, and inter-state identities. The paper also shows how local identities are labelled and identified in relation to the hierarchy of political, ethnic-social, and socioeconomic levels of identity. The symbolic and value aspects of territorial identity are revealed. This enables an assessment of the potential to mobilize the economic, social-political, and ethno-cultural resources of the population. The paper also traces the factors influencing the reproduction of ethnic-cultural identity in the context of the social transformation and the mechanisms of its re-institutionalization in Russia’s modern history. It is based on data collected in 2020–2021 as part of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) project “Territorial Identity: Factors, Mechanisms and Tools of Formation (Comparative Analysis of the Constituent Entities of the Russian Federation and the Republic of South Ossetia)” (Grant No. 20-511-07004). This specific paper is based on the comparative analysis of cases of Kabardino-Balkaria and the Saratov Region.

Keywords: territorial identity, social structure, social boundaries, identities hierarchy, social mobilization, ethnicity, Russian regions

References

- Anderson B. (2016) *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Moscow: Kuchkovo Pole (in Russian).
- Baryshnaya N.A. (2013) *Nation-building: Regional Level*, Saratov: Nauka (in Russian).
- Bonachich E. (1972) A Theory of Ethnic Antagonism: The Split Labor Market. *American Sociological Review*, no 37 (5), pp. 547–559 (in Russian).
- Brubaker R., Cooper F. (2002) Beyond Identity. *Ab Imperio*, no 3, pp. 61–115 (in Russian). DOI: 10.1353/imp.2002.0025
- Drobizheva L.M. (ed.) (2002) *Social Inequality of Ethnic Groups: Perceptions and Reality*, Moscow: Academia (in Russian).
- Drobizheva L.M. (2003) *Social Problems of the Interethnic Relations in Post-Soviet Russia*, Moscow: Tsentr Obshchelovecheskich Zennostei (in Russian).
- Drobizheva L.M. (ed.) (2013) *Civil, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today, Tomorrow*, Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Drobizheva L.M., Arutyunova E.M., Evseeva M.A. et al. (2021) *The Substantial Basis of Russian Identity. Regional and Ethnocultural Contexts*, Moscow: FNISTC RAS (in Russian).
- Duncan J., Johnson N., Schein R. (eds.) (2008) *A Companion to Political Geography*, MA: Blackwell Publishing.
- Dzugaev K.G., Mokin K.S. (2021) South Ossetia: Irredentism and Identity. *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, no 6 (21), pp. 30–37 (in Russian). DOI: 10.22394/1682-2358-2021-6-30-37
- Gerasimenko T.I., Rodoman B.B. (2017) Territorial Identity as a Factor and Result of Russia’s Geopolitical Preferences. *Geopolitical Processes in the Modern Eurasian Space*.

- International Scientific Conference*, Banja Luka: Geografo Drushtvo Republic; ARGO, pp. 127–140 (in Russian).
- Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity*, Stanford.
- Guboglo M.N. (2003) *Identification of Identity: Ethnosociological Essays*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Hudson R. (2001) Western Europe Studies: Geography. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, pp. 16473–16479. DOI: 10.1016/B0-08-043076-7/03252-6
- Igosheva M. A. (2020) Political Resource of Ethnic Identity in the Conditions of Transformation of the Modern World Structure. *Sociodinamika*, no 5, pp. 26–42 (in Russian). DOI: 10.25136/2409-7144.2020.5.33026
- James W. (2013) Perception of Reality. *Sociology of Power*, no 1–2, pp. 214–257 (in Russian).
- Lunkin R.N., Oskolkov P.V. (eds.) (2020) *Europe in Search of New Solutions*, Moscow: The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Malakhov V. (2014) *Cultural Differences and Political Boundaries in the Age of Global Migration*, Moscow: NLO (in Russian).
- Mikhajlov V., Runge J. (2019) Identification of Individual. Territorial Communities and Social Space: An Attempt of Conceptualisation. *Sociological Research*, no 1, pp. 52–62 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250003747-4
- Mokin K.S. Baryshnaya N.A. (2020) Migration and International Relations in the Assessment of Regional Experts. *The Authority*, vol. 28, no 4, pp. 52–62 (in Russian). DOI: 10.31171/vlast.v28i4.7423
- Mukomel V.I. (2021) Migration Situation and Migrants in the Perception of Russians. *Bulletin of Russian Nation*, no 1–2, pp. 53–68. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_46175239_34530770.pdf, accessed 10.10.2022 (in Russian).
- Ozova F.A. (2021) Development Factors of Adyghe Khabze. *North Caucasus Legal Vestnik*, no 1, pp. 56–70 (in Russian). DOI: 10.22394/2074-7306-2021-1-1-56-70
- Rokkan S., Urwin D. (1982) *The Politics of Territorial Identity. Studies in European Regionalism*, SAGE Publications.
- Savvina E.S. (2021) Problems of Socio-Economic Development in the Saratov Region. *Actual Problems of Modernity: Science and Society*, no 4, pp. 39–41. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_48075207_60211312.pdf, accessed 10.10.2022 (in Russian).
- Tishkov V.A. (2021) *The National Idea of Russia*, Moscow: AST (in Russian).
- Tishkov V.A., Filippova E.I. (eds.) (2016) *Cultural Complexity of Modern Nations*, Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Tishkov V.A., Stepanov V.V. (eds.) (2018) *Ethnic and Religious Diversity of Russia*, Moscow: IEA RAS (in Russian).
- Zamyatina N.Yu. (2012) Territorial Identities and Social Structures. *Social Sciences and Contemporary World*, no 5, pp. 151–163. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_18095719_56003549.pdf, accessed 10.10.2022 (in Russian).
- Zimmel' G. (2008) Excursus about a Stranger. *Sociological Theory: History, Modernity, Prospects*, Saint Petersburg: Vladimir Dal' (in Russian).
- Zolotareva I.S. (2016) Ecclesiastical and Moral Upbringing in Folk Pedagogy of Kabardian and Balkarian. *Innovations in Science*, no 54, pp. 95–102. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovno-nravstvennoe-vospitanie-v-narodnoy-pedagogike-kabardintsev-i-balkartsev/viewer>, accessed 10.10.2022 (in Russian).
- Zorin V.Yu. (2018) *The National Policy of the Russian State in the XX – Early XXI Century*, Moscow: Yurajt (in Russian).